

ВЛАДИМИР ШАРОВ

БУДЬТЕ
КАК ДЕТИ

МОСКВА «ТЕКСТ» 2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44
Ш26

ISBN 978-5-7516-1636-6

© В. Шаров, наследники, 2020

© ИД «Текст», 2020

Памяти отца

В сентябре четырнадцатого года, когда наше наступление в Восточной Пруссии окончательно захлебнулось, Ставка верховного командующего, не задумываясь, ввела в бой резервы. Были нанесены три контрудара. Основной – в Петрограде, Москве и прочих губернских городах: там толпы побили витрины сотен магазинов «Фрицев», «Гансов» и «Людвигов» и торжествовали победу – везде владельцы повывешивали таблички, где кириллицей крупными буквами было написано: «Извините, здесь не говорят по-немецки». И два вспомогательных фланговых, оба силами императорского Мариинского театра: в пятнадцатом году с его сцены разом исчезли воспевающие немецкий дух оперы Вагнера; кроме того, в знак солидарности с недавно оккупированной германцем Варшавой, там же, в Мариинке, дирекция внесла изменения в финал «Ивана Сусанина». Чтобы снять лишние вопросы, несчастных поляков теперь никто и никак не губил, они приняли смерть сами по себе просто от мороза.

Вагнера заменили сочинения Римского-Корсакова: «Садко» и несколько позже – «Невидимый град Китеж». Первую постановку публика встре-

тила восторженно. Зал был переполнен, певшему заглавную партию Давыдову стоя кричали «браво» больше получаса. Еще важнее другое – обласканные верховной властью купцы и промышленники уже к концу пятнадцатого года удвоили выпуск гаубиц, а количество снарядов, полученных армией, увеличилось вчетверо. В результате весной шестнадцатого года линия фронта стабилизировалась, бои приняли затяжной, позиционный характер.

Сложнее оценить постановку «Китежа». Возможно, спектакль вышел неудачный, или тоскливый перезвон колоколов ушедших на дно озера Светлояр церковей вообще не был способен поднять пехоту в атаку. Во всяком случае, прослышав, что святой град дано узреть лишь праведникам и что воды расступятся и он в прежнем великолепии всплывет из пучины прямо перед приходом Спасителя, солдаты раскаялись в грехах и, по донесениям генералов весны-лета семнадцатого года, целыми армиями стали покидать позиции и уходить на его поиски.

В двадцать втором году, то есть пятью годами позднее, в Париж из эвакуированного Крыма через Галлиполи стали прибывать тысячи и тысячи беженцев – всё больше военные: офицеры, казаки. Уже было известно, что сотни их товарищей заживо утоплены красными на Кавказе, вблизи Туапсе, и в Крыму, севернее Судака. По-видимому, в помин душ убитых Дягилев тогда же, в рамках Русских сезонов в Париже, на сцене Гранд-Опера заново поставил «Град Китеж» в декорациях покойного Чюрлениса, сразу сделавшегося знаменитым. Задник – его обычные холсты зеленоватого цвета с какими-то водорослями, тростником, а поверх – чередующиеся, перебегающие полосы и струи чуть более светлого колера. Вдали

через ту же мутно-зеленую пелену видны крепостные стены, а над ними – золотые купола и башни прекрасного города.

Иллюзия, что всё действие разворачивается под водой, полная. На фоне левой половины декорации длинная-длинная колонна офицеров. К ногам каждого веревкой привязаны большие камни или железяки. Этот их смертный груз тихо и ровно лежит на дне, но сами офицеры, поддерживаемые водой, как и должно, стоят во весь рост. Фигуры живые. Течение легонько колышет тела, будто ветром треплет волосы. Такое ощущение, что они и впрямь, как привыкли за семь лет войны, походным строем маршируют к стенам покоящегося на глубине Китежа.

* * *

Двадцать пятого января 1970 года не стало Сашеньки. И сама эта смерть четырехлетней девочки, и то, что было с ней связано, поразило каждого знавшего ее семью. Родители ребенка – Ваня Звягинцев и Ирина Чусовая – были моими друзьями детства. Обвенчались они еще на студенческой скамье, едва Ирине исполнилось восемнадцать; Ваня был на два года старше, но что когда вырастут, будут жить вместе, по-моему, знали всегда. Брак вышел удачный. В Библии сказано: жена да прилепится к мужу, и станут они как одно. У Вани и Ирины так и получилось. На взгляд со стороны, в их отношениях не было экзальтации, не было и особой страсти, просто они все время были друг другу необходимы, каждую минуту друг о друге помнили и друг в друге нуждались.

Жили они небогато, сначала на студенческие стипендии плюс небольшие суммы, которые под-

кидывали родители, позже были м.н.с. в институтах, тем не менее домой Ваня каждый день приходил с цветами. В общем, любовь, которая встречается лишь в женских романах. И как в тех же романах, печалило их одно: почти пять лет Ирина не могла родить. Беременела она легко, но дальше, хоть сразу и ложилась на сохранение, выкидывала. В двадцать три, после паломничества в Печерский монастырь, она наконец выносила, и ребенок, девочка, оказался сущим чудом.

В три месяца, когда дети еще боятся чужих, Сашенька всем улыбалась, ко всем тянула ручки. От нее будто и впрямь исходил свет, и любой рядом с ней, словно иначе и быть не могло, начинал радоваться, улыбался, веселел. На похоронах никто и припомнить не смог, чтобы видел ее недовольной; бывало, конечно, что она печалилась, но никогда и ни на кого не сердилась. За месяц до смерти Саша заболела корью, следом пошли осложнения. Четыре дня температура держалась под сорок, и два врача — оба из наших близких друзей — говорили, что ребенок очень ослабел и ручаться ни за что нельзя. Особенно плохо было в последнюю ночь: ни на какие лекарства, уколы девочка уже не реагировала, часами была без сознания. Пульс нитевидный, почти неслышное дыхание, пару раз ей к губам даже прикладывали зеркала: думали, она умерла.

Вечером, накануне этой ночи, когда положение еще не казалось безнадежным, Дуся, известная в Москве юродивая, походя заметила врачам: «Нечего без толку мельтешить, я уже выпросила для нее смерть». И Ирине: «Сейчас она чистый ангел, умрет — сподобится Рая Небесного, а дай ей вырасти — греха будет столько, что никакие молитвы не помогут». Но в истерике, которая была,

на слова Дуси никто не обратил внимания. Когда врачи сказали, что больше ничем помочь не в силах, мать взяла Сашеньку на руки, прижала, стала гладить, целовать, и девочка снова задышала. К утру температура вдруг спала, и сделалось ясно, что кризис миновал. Дальше, если Бог захочет, она пойдет на поправку.

Сашенька, благо после той ночи мать ни на минуту не спускала ее с рук, приходила в себя буквально на глазах. Однако на третий день температура ни с того ни с сего снова поднялась. Рецидива никто не ждал, и сделать ничего не успели. Болезнь сразу перекинулась на мозг, и девочка сгорела буквально за сутки. Все это до такой степени было страшно и несправедливо, что и сейчас, через четверть века, мало что смягчилось.

Потом были похороны. Хоронили на Востряковском кладбище, где у Звягинцевых был свой участок. Отец Сашеньки, Ваня, еще держался, а мать была черная, опухшая от слез. Идти сама она не могла: две подруги, взяв под руки, фактически ее несли. Когда гроб уже должны были опустить в могилу, Ирина против обычая попросила последний раз снять крышку. Ее послушались. Пришедших проститься была чуть не сотня человек. Перед ними на атласной подушке вне всяких сомнений лежал ангел, только, вопреки природе, умерший. По-моему, те, кто был, тогда просто испугались класть Сашеньку в землю и, не зная, как всё остановить, один за другим стали говорить о ней, будто о живой.

Рабочие с веревками и лопатами стояли поодаль, но скоро ждать им надоело, и они, показывая, чтобы мы поторопились, подошли ближе. Может быть, так получилось случайно, но впереди шла Дуся. Человек святой жизни, она была боль-

шая молитвословица, и я подумал, что Дуся найдет слова, которые хоть как-то примирят нас с Сашенькиной смертью. Это было необходимо и Звягинцевым, и остальным. Но сказано было следующее: плакать нечего, она, Дуся, отпела девочку еще четыре дня назад, и тогда же Сашенька должна была отдать Богу душу. Однако на первый раз матери удалось отомолить, выпросить ее у Господа. А зря. Оставь Боженька ей жизнь — девочка превратилась бы в исчадь ада, многих бы погубила, ввела в грех и соблазн. Потому она, Дуся, и вмешалась. Пока Сашенька не совершила ничего предосудительного, ее ждет спасение и вечная жизнь, иначе же гореть ей в геенне огненной. И — словно кость — бросила Ирине, что матери невинных детей после смерти пребывают с ними в одном месте.

Сказанное на кладбище всех поразило, но не меньше меня потрясло, что Ваня и Ирина, родители девочки, которую она фактически убила, не порвали с Дусей отношения, наоборот, сошлись с юродивой еще теснее. Почти год Дуся дневала у них и ночевала. Звягинцевы и раньше держались с ней подчеркнуто благоговейно, теперь же и во все лебезили, едва ли не пресмыкались, будто раз она сумела вымолить у Господа смерть Сашеньки, сумеет вымолить и ее воскрешение. Говорили, что они даже молятся вместе, вслед за юродивой благодарят Господа, что он забрал их единственную дочь, не дал ей вырасти и стать орудием в руках дьявола. Не знаю, так это было или не так, но однажды я понял, что не могу больше видеть, как они целуют ей руки, беспрестанно причитают: Дусенька, милая Дусенька. Мои родители тоже продолжали с Дусей общаться, а я, когда знал, что она должна появиться у нас дома, заранее уходил. Потом на Молчановке у меня появилась своя комна-

та, и, наверное, лет семь я Дусю вообще не встречал. Кое-какие отношения возобновились лишь после гибели ее сына Сережи, которого я с детства очень любил и которому многим был обязан.

После смерти дочки Ирина начала попивать. Иногда она будто приходила в себя, говорила, что должна родить другого ребенка, это дело решенное, иначе ей не выкарабкаться, но тут же снова слетала с катушек. Впрочем, могла ли она иметь еще детей (предыдущие роды были очень тяжелые), хотела ли их, — я не знаю. В моем присутствии одна из ее подруг как-то сказала своей матери, что со дня похорон Сашеньки мужа она к себе не подпускает.

Странный треугольник из Дуси и Звягинцевых продержался чуть больше года. Потом Ваня уехал в Белоярск, где наши продолжали строить первую ядерную электростанцию (он был хороший физик-экспериментатор), Ирина же еще до его отъезда пустилась во все тяжкие. Кажется, чего-то похожего ждали. Вслед за отъездом Вани перестала у них бывать и Дуся.

Иринин разврат был страшен тем, что никакого удовольствия он ей не приносил, даже не помогал забыть. Природа создала ее целомудренной и, став Ваниной женой, никем, кроме него, интересоваться она не умела. Ирина была очень хороша собой, но безразличие к другим мужчинам было настолько прочно, что до Сашиной смерти за ней никто и не пытался ухаживать. Думаю, у ее блудства была цель. Она считала, что так, ценой собственного спасения, докажет Господу, что Он не должен был забирать у нее Сашеньку. Что без ее дочки мир не стал лучше, наоборот, зла сделалось больше.

Она и вправду за три года неведомо зачем разбила полтора десятка семей. Сходилась с одним,

с другим, меняя, тасуя партнеров, с некоторыми жила неделю, у кого-то задерживалась и на полгода, но всех рано или поздно бросала. Позже, когда уже пила по-крупному, любила говорить, что утром первым делом не зубы чистит, а любопытствует, с кем на сей раз провела ночь. И всё же, сколько Ирина ни гуляла, сколько ни пыталась изображать шлюху, она ни у кого ничему не обучилась. И, проблядовав десять лет, осталась, в сущности, прежней – христианская жена, для которой у постели одно оправдание – зачатие.

Я не знаю, что для нас делало ее столь желанной. Кто-то, наверное, надеялся разбудить ее чувственность, что бы там ни было, стать у нее первым, других манила Ирина красота, но мы равно терпели неудачу. И так получалось, что разрыв с ней никому с рук легко не сошел. Не я один доживал жизнь, зная, что она была в ней главной женщиной, и эта женщина никогда тебя не любила, лишь использовала в споре с Богом. Для Дусино же сына Сережи дело обернулось и того хуже.

По свидетельству Дуси, ее духовник, епископ Амвросий, в двадцать шестом году, незадолго перед своим новым сроком, в разговоре заметил, что все мы запутались в двух соседних стихах Евангелия от Матфея: «И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (18.3), и другом: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (18.6). Впервые я решил, что должен обо всем написать – в Салехарде, почти тридцать лет назад. Саша еще была жива, мир был обыч-

ный, не лучше и не хуже, во всяком случае, людей, которых я ни при каких условиях не готов был простить, в нем не было. Зла вокруг, конечно, было пруд пруди, но было и добро, в общем, поднатужась, концы с концами свести удавалось. К тому же после пяти сезонов на Севере я уже кое-что знал и умел. Получается, что в моей жизни это вроде водораздела. Отсюда пока неплохо просматривался прежний путь, и разглядеть, куда я направляюсь, тоже казалось нетрудным. Дальше дорога должна была идти под уклон, но я на сей счет не печалился.

В Заполярье конец июня, что ни говори, — вещь. Солнце жарит сутки напролет, о ночи все и думать забыли. Со студенческих лет я очень люблю «поле», но сейчас с ним полный абзац. Самоходная баржа, которая везла из Тюмени скарб двух десятков экспедиций, в том числе и нашей, умудрилась наскочить на камень и благополучно затонула. Денег, что нам теперь раздают, хватает на хлеб да на плавленые сырки, о выпивке мы даже не мечтаем. Слава Богу, пока хоть не гонят из гостиницы, но сколько продлится благотворительность, никто не знает.

Правда, на номер жаловаться грех. Единственный сосед-нефтяник только ночует, а так я один и свободен, как птица. Времени навалом, на этом солнце, сколько ни зашторивай окна, больше пяти часов не проспешь, да и днем теревить тебя некому. Без дела и без денег мы перессорились в первую же неделю и теперь на глаза друг другу лишний раз стараемся не попадаться. Думая, чем себя занять, я на третий день вспомнил об одной давней идее — вместе с обстоятельствами, касающимися лично меня, пересказать собранный не здесь, а в Восточной Сибири, на Лене, цикл поздних энц-